

УДК 140.8

**И. КАНТ В СТАНОВЛЕНИИ
ФИЛОСОФСКОГО
МИРОВОЗЗРЕНИЯ
Н. О. ЛОССКОГО:
ОПЫТ ПЕРЕВОДА¹**

В. С. Попова*

Рассматривается разработка Н.О. Лосским концепции интуитивизма в контексте перевода трудов и переосмысления гносеологии И. Канта. Становление Лосского как самобытного философа с неизбежностью потребовало преодоления кантовского скептицизма, не согласовывавшегося с уверенностью идеал-реалиста в познаваемости транс-субъективного мира, данного нам в подлиннике. Путь и средства этого преодоления определили «лицо» новой системы интуитивизма, рождавшейся в дискуссии с гносеологической системой Канта. Выделены некоторые основополагающие темы трансцендентальной философии, вызвавшие наибольший отклик в размышлениях и философских построениях Лосского. Среди них особое место занимают фундаментальные логические вопросы о сущности логической связи, о природе суждения и умозаключения, о синтетическом и аналитическом. Рассмотрен вопрос о толковании понятия «интуиция» у Лосского и влияние этой трактовки на специфику перевода кантовского *Anschauung*.

Выявлен ряд причин, побудивших интуитивиста осуществить перевод КЧР. Так, руководствуясь знанием философии Канта, Лосский имел веские основания для игры на идейном поле своего учителя и оппонента, русского кантианца, А.И. Введенского. Н.О. Лосский сформулировал существенные аргументы для обоснования несостоятельности его интерпретации трансцендентальной философии. Показано, что опыт перевода КЧР и критического осмысления гносеологии Канта стал для Лосского своеобразным источником преодоления сложившихся в истории философии затруднений и выработки собственного целостного органического мировоззрения. Наряду с этим назрела и объективная надобность очередного перевода КЧР в связи с тем, что часть просвещенной публики осталась недовольна переводом Н.М. Соколова. В статье приводятся материалы отзывов Г.Г. Шпета на переводы КЧР, предпринятые Соколовым и Лосским.

Ключевые слова: И. Кант, Н.О. Лосский, «Критика чистого разума», перевод, интуитивизм, А.И. Введенский, интуиция, логика, синтетическое суждение, знание.

¹ Статья выполнена в рамках проекта РГНФ №15-33-01022 а1 «Русское Зарубежье: российско-германский философский диалог».

* Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 26.06.2015 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2015-2-4

© Попова В. С., 2015

Когда мы сегодня пытаемся понять, какую роль сыграл И. Кант в разработке философского учения Н. О. Лосского, то сразу вспоминаем русский перевод «Критики чистого разума», осуществленный Лосским в 1907 году. Диалог двух философских мировоззрений в данном случае подвигает к тому, чтобы понимать перевод не в узком смысле, как передачу произведения с одного языка на другой, но гораздо шире (в гносеологическом смысле) — как перевод с культуры на культуру, как пересказ концептуальных положений одной доктрины с помощью языковых средств другой² без ухода от собственного понимания смысла философской системы. Именно через опыт такого перевода прошел Лосский, формируя гносеологические положения своей концепции с учетом собственного переосмысления и преодоления философии Канта.

Слушая в 1894 году университетские лекции профессора А. И. Введенского, Лосский проникся идеей о разрешении критицизмом односторонности рационализма и эмпиризма. Эта упрощенная Введенским в дидактических целях мысль (в курсе лекций по истории новой философии) придавала в формирующемся мировоззрении Лосского, пока весьма схематичном, ценность философии И. Канта. Однако монадология Лейбница все же стала той основой, на которую нанизывались другие подходы для построения целостного объяснения мира и познания идеи. Поэтому, как пишет Лосский в «Воспоминаниях»: «Передо мною встала задача преодолеть Юма и Канта, именно развить теорию знания, которая объяснила бы, как возможно знание о вещах в себе, и оправдала бы занятия метафизикой» (Лосский, 1994, с. 95). Этот импульс определил начало движения Лосского по пути изучения философии на историко-филологическом факультете. Усвоение истории философии для студента Лосского было задачей вспомогательной по отношению к проекту построения собственной системы, этой цели подчинялись многие весьма сложные занятия, способные повлиять на формирование аргументов в защиту такого новаторского учения. Воспоминания Лосского свидетельствуют о том, что он очень основательно и самоотверженно подходил к выработыванию собственных оригинальных философских взглядов, полагая необходимой пропедевтикой этой работы освоение всего того, что историко-философски составляло проблемное поле его интересов. Например, Лосский посчитал необходимым составление изложения «Системы логики» Д. С. Милля (было написано, но не издано) и перевод трактатов И. Канта «De mundi sensibilis atque intelligibilis forma et principiis» и «Fortschritte die die Metaphysik seit Leibniz und Wolf» (переводы были опубликованы в «Трудах Санкт-Петербургского философского общества» в 1910 году (Кант, 1910)).

Н. О. Лосским всецело владело стремление примирить эмпиризм и рационализм, здесь-то и крылась сложность выработки собственного философского мировоззрения. Проводимая в учебных курсах Введенского мысль о том, что развитие философии пришло к синтезу эмпиризма и рационализма благодаря Канту, на момент окончания Лосским университета и поступления на кафедру философии не казалась ему достаточно обоснованной. Создание своего учения, а не только лишь историко-философское топтание на месте, стало краеугольным камнем всех интеллектуальных тревог Лосского. «Приступить к такой работе мне было особенно трудно, по-

² О переводе как особом типе познания в гуманитарных науках см.: (Автономова, 2008).

тому что в моем уме столкнулось влияние метафизики Лейбница и гносеологии Канта, благодаря двум моим учителям — Козлову и Введенскому» (Лосский, 1994, с. 108—109). Хотя Лосский явно признает факт историко-философских влияний, он не приемлет усвоение философским мировоззрением каких-либо трактовок в готовом виде. Все философские суждения должны быть критически переосмыслены и самостоятельно упорядочены: «Мы должны строить философские теории, и притом прежде всего теорию знания, — утверждает Лосский, — не опираясь ни на какие другие теории, то есть не пользуясь утверждениями других наук как посылками» (Лосский, 1991, с. 25).

Пресуппозиция Лосского о познаваемости транссубъективного мира, данного нам в подлиннике, являвшаяся ему на всем протяжении творчества с интуитивной очевидностью, все же должна была получить рациональное обоснование. «Под влиянием лекций Введенского о Канте я твердо усвоил мысль, что познать можно лишь такой предмет, который имманентен моему сознанию. Будучи вместе с тем убежден, что все осознаваемое мной есть уже не внешний мир, а мое собственное психическое состояние, я мучился мыслью, что интерес мой к метафизике не может быть гносеологически оправдан» (Лосский, 1994, с. 109). Из этой коллизии Лосский, как известно, вышел благодаря интуитивному озарению, субъективно значимому, конечно, но давшему необходимый мостик между эмпирическим и рациональным знанием, между субъективным и транссубъективным миром: «все имманентно всему». Кантианский мотив в постановке проблем Лосским выразился в том, что онтология могла осуществиться только с решением вопроса о природе знания и «познающего сознания». «Знание стоит как бы посередине между познающим субъектом и познаваемым объектом. Оно принадлежит субъекту, но должно согласовываться с объектом; в самом деле, истинное знание о предмете должно как-то соответствовать предмету...» (Лосский, 1919, с. 8). Лосский выработал своеобразное понимание этой координации, открыв «особый тип объединенности субъекта и предметов, в силу которого возможно, чтобы даже предмет внешнего мира мог предлежать в подлиннике для созерцания субъекта» (Там же, с. 11). Это интуитивное усмотрение Лосский отождествляет с понятием созерцания. В.П. Тутлис вскрывает в этом смысле некую общую интенцию русской философии по отношению к Канту, явно читающуюся и у Лосского: «Специфика русской философской мысли изначально заключалась в развитом иррационализме и повышенном интересе к экзистенциальным проблемам. Она, как и Кант, всегда признавала “ограниченность” разума. Но совсем не по-кантовски считала, что в мироощущениях человека отражаются такие стороны бытия, которые не могут быть выражены только в рамках рационализма, в силу его “односторонности”. Она полагала, что к тайнам бытия и небытия можно прорваться не только благодаря разуму, но и на основе мистической интуиции...» (Тутлис, 2005).

Дело обоснования интуитивизма Лосский понимал как проект построения совершенно нового гносеологического направления, пролежавшего через «преодоление “Критики чистого разума” Канта и оправдание метафизики как науки» (Лосский, 1994, с. 131). Известный перевод «Критики чистого разума» (КЧР) Лосский осуществлял в период 1905—1907 годов, во время хлопот и дум, связанных с докторской диссертацией «Обоснование интуитивизма». Интересно уяснить мотивы, руководившие им в этом деле.

Есть мнение, что Лосский придавал большое значение трансцендентальной философии Канта в истории философии, поэтому счел необходимым осуществить перевод (Кондратенко, 2011, с. 13). Версия слишком расплывчатая (таких уважаемых персонажей можно было бы выделить немало), она не открывает субъективной значимости этой миссии. Возможно, здесь скрывается указание на определенные научные амбиции Лосского, побуждавшие его увековечиться сопричастностью гению Канта, дав перевод. Действительно, в этом деле Лосский усмотрел нишу для своего труда. Первый перевод «Критики чистого разума» был предпринят М.И. Владиславлевым (1867), потом цензором Н.М. Соколовым, затем вышел перевод Лосского (1907, переиздан в 1915) (Кант, 1907; Кант, 1915). Перевод Владиславлева Лосский считал достаточно точным, но не менее тяжелым, чем оригинал. О переводе Соколова отозвался весьма нелестно в «Воспоминаниях», считая переводчика дилетантом в философии, допустившим много досадных ошибок.

Явно выраженный мотив, побудивший Лосского к переводу, был порожден уверенностью в том, что «существенным условием для преодоления критицизма должно быть знание и точное понимание текста...» (Лосский, 1994, с. 147). Но рождение концепции обоснованного интуитивизма совпало с работой над переводом лишь частично. К 1904 году докторская диссертация, в которой требовалось преодолевать Канта, была в основном написана (а главные идеи содержались уже в магистерской работе 1903 года), в 1904–1905 годах она вышла в «Вопросах философии и психологии» под названием «Обоснование мистического эмпиризма». Перевод же КЧР был начат в 1905 году, а завершен в 1907 году, то есть работа над ним совпала не с разработкой концепции интуитивизма в ее идейном содержании, а скорее с периодом уяснения для публики и защиты от нападков этого оригинального учения (кантианец А.И. Введенский называл его «одержимостью», а один из критиков кантовой гносеологии М.И. Каринский — «граничащим с безумием замыслом»). Поэтому здесь можно выдвинуть предположение о том, что стремление глубоко вникнуть в суть КЧР обусловлено не столько причинами, которые называет в «Воспоминаниях» Лосский, сколько причинами, о которых он умалчивает. Известно ожесточенное противостояние Лосского с правоверным кантианцем Введенским: на защите магистерской диссертации в 1903 году он отбивался от вопросов учителя в течение пяти часов; Лосскому «пришлось плохо» в этом противостоянии, вполне ожидаемы были трудности и на защите докторской диссертации. «Сохраняя неприятные воспоминания о своем магистерском диспуте у проф. Введенского, я решил защищать докторскую диссертацию в Московском университете у проф. Лопатина» (Лосский, 1994, с. 134). Однако, приступая к переводу, Лосский еще предполагал, что отстаивать свои идеи ему придется под неусыпным оком Введенского и не только на защитительном диспуте, но и в каждодневных спорах. Поэтому перевод КЧР стал мощным орудием знания в игре на идейном поле противника и, кроме того, заслугой, которая должна была добавить в глазах наставника и заведующего кафедрой, на которой предстояло работать. Как Введенский отозвался о переводе, неизвестно, но все же несомненное признание заслуг молодого коллеги и оппонента было: он называл Лосского «своим талантливым учеником», определяя ему «место, равное положению Соловьева».

А. И. Введенский, будучи авторитетным учителем, внушил поколению своих учеников мысль о неизбежности Канта, о необходимости принимать его в расчет, какие бы вопросы их ни волновали. Для Лосского «весь дух его системы в целом проникнут великими новыми откровениями, вошедшими в плоть и кровь многих последующих систем» (Лосский, 1991, с. 117–118). Вся история философии как пропедевтика философствования концентрировалась в гносеологии Канта, соответственно, логика как пропедевтика всякого философствования должна была иметь своей квинтэссенцией логику Канта. И действительно, авторы трактатов по логике (например, Лосский, Поварнин) считали своим долгом на первых же страницах привести известное замечание Канта о неизменности и завершенности логики и тут же его опровергнуть указанием на логические достижения самого Канта. Введенский был сосредоточен на построении логицизма путем доказательства основных выводов философского критицизма новым и более элегантным способом, нежели «очень трудным и запутанным» путем, изложенным в кантовских «Критике чистого разума» и «Пролегоменах» («Новое и легкое доказательство философского критицизма», 1909). Эту задачу он решил посредством рассмотрения сущности логических законов. Так, через наставничество Введенского логическая проблематика стала в среде университетских философов Санкт-Петербурга начала XX века методологически необходимой стороной выработки своих воззрений, общей подосновой всякой дискуссии и размышления. Преподавая, Введенский утверждал, что для понимания истории философии, в особенности новой, необходимо хорошо понимать логику. Канта же окончательно нельзя ни понять, ни усвоить без этого условия. Парадоксальным образом сам Введенский отказывался видеть значимость логических оснований для философского критицизма Канта. В статье «Новая постановка вопроса о самостоятельности четырех фигур силлогизма» (1909) он производит деление всех силлогистических учений на теоретические и практические. Учение Канта о силлогизмах (и логику в целом) Введенский причисляет к практическим воззрениям, а свой собственный взгляд на силлогистику он считает теоретическим. Хотя более естественно для философа, придерживающегося кантианства, было бы отнести точку зрения Канта, представленную в «Ложном мудрствовании...», к разряду теоретических (таких, в которых учение о силлогизмах рассматривается как средство для решения других теоретических вопросов), Введенский в силу некоторых причин был настроен минимизировать теоретическое значение логики в системе Канта. К слову, В. Н. Брюшинкиным показано теоретическое значение силлогистики Канта: предпочтению принципа *Nota notae* в силлогистике демонстрирует приоритет интенциональных соображений в интерпретации Кантом понятий и суждений, что, в свою очередь, сказывается на различении им аналитических и синтетических суждений (Брюшинкин, 1986, с. 35); подробнее о соотношении силлогистики Канта и Введенского см. (Попова, 2010).

Фундаментальные логические вопросы (о логических законах, сущности логической связи, природе суждения и умозаключения, синтетическом и аналитическом и т. п.) попадали в поле зрения Лосского с учетом критического прочтения Канта. Для Лосского предмет исследования логики — знание (Лосский, 1919, с. 6). Одновременно с этим пропедевтика всей системы идеал-реализма — интуитивизм — является теорией знания: «есть еще (помимо логики. — В. П.) отдел, посвященный изучению знания; мало

того, в основу философии в настоящее время полагается новая наука, гносеология (теория знания или теория познания), ставшая на ноги лишь со времен Канта...» (Лосский, 1922а, с. 5). Соответственно, логика Лосского глубоко гносеологизирована, а в решение теоретико-познавательных вопросов вводятся оригинальные логические размышления. Например, Лосскому понадобилось обращение к теме умозаключений логики суждений, которые не могут правильно совершаться в регрессивном направлении от присутствия следствия к присутствию основания. Однако особенности его новой теории знания, предполагающие, что мы получаем знание о вещи в своем кругозоре в подлиннике, позволяет безошибочно вычленять единственную причину наблюдаемого следствия, реконструировать ее. Поэтому и в логике должны быть справедливы традиционно признаваемые неправильными виды умозаключений.

Особую ценность для Лосского представляла усвоенная благодаря Канту мысль о том, что наука как область эвристическая состоит преимущественно из синтетических суждений, в которых «предикат не мыслится в содержании понятия субъекта». Понятие синтетического как логического, «впервые разработанное Кантом в гносеологии в его трансцендентальной логике, но не использованное им в формальной логике для теории умозаключений и для преодоления аналитических теорий, то есть теорий, опирающихся на закон тождества и противоречия» (Лосский, 1922а, с. 3), прозвучало основным аккордом логики Лосского. В связи с исследованием процесса приращения знания русский интуитивист придает особое значение теории суждения, рассмотрению логической связи внутри суждения, которую он обосновывал как синтетическую логически необходимую связь: «Понятие синтетической логической необходимости стало развиваться в гносеологии благодаря Канту, но в логику оно начало проникать только в ближайшее к нам время...» (Лосский, 1912, с. 16). Такого рода связи образуют суждения, из которых складывается знание. «В какой же форме выражается истина или ложь? В форме суждения, — отвечает на этот вопрос логика. Но если так, то это значит, что представления, понятия и даже умозаключения, служа выразителями истины или лжи, должны быть суждениями по существу, хотя бы и модифицированными. Отсюда в теории знания возникает задача развить такое учение о суждениях, которое, исходя из природы познавательного процесса, показало бы, что единственная форма, в которой может выразиться знание, есть суждение...» (Лосский, 1991, с. 198). Здесь, конечно, Лосский допускает неточность, полагая, что умозаключения выражают истину либо ложь; умозаключения оцениваются в традиционной логике с точки зрения правильности или неправильности, а не истинности или ложности.

Для нас важно, что каждый философствующий логик, выстраивая свою систему, производит отбор и структурирование логического знания в соответствии с более глубокими познавательными задачами. Здесь мы видим, что Лосский полагал теорию суждения в качестве центра логического развертывания своей системы. Впоследствии он онтологизировал понятие логической связи, сделав тем самым гносеологическую часть учения имманентной выработанной онтологии субстанциальных деятелей. «Название основания и следствия мы даем этой связи, поскольку она опознана мыслящим субъектом и руководит переходом его от мысли о предмете к мысли о предикате; как основа объективно значимой связи мысли, она есть логи-

ческая связь. В самом же бытии предмета это самое отношение есть онтологическая связь причинности (нагретая вода и кипение), или связь принадлежности свойства носителю (разновидность причинной связи), или связь функциональной зависимости идеального бытия, то есть вневременная необходимая сопринадлежность» (Лосский, 1995, с. 155).

Итак, Лосский считал, что учение о суждении — это самая главная тема в логике. Показательно, что одно из самых существенных критических замечаний к кантианскому типу логики профессора Введенского как раз заключалось в том, что «в рассматриваемой гносеологической логике нет никакой теории суждения... Эта черта системы проф. Введенского особенно поражает, когда имеешь в виду современную литературу по логике, напр., логику Шуппе, Зигварта, Липпса и т. п., где теория суждения наиболее усиленно разрабатывается и выдвигается настолько на первый план, что граница между суждением и умозаключением иногда почти стирается, и теория умозаключения вытекает из теории суждения в качестве подчиненного придатка...» (Лосский, 1912, с. 21). Введенский так ответил на этот выпад: «...логической теорией суждений служит вся логика целиком», полагая, что обстоятельное рассмотрение вопроса о том, как получаются суждения, «до метафизико-психологической теории самого Н.О. Лосского, которую он ошибочно называет гносеологической» (Введенский, 1917, с. 8), логике нет никакого дела. Для Введенского суждение о бесконечных классах не может быть доказано опытным путем, поскольку относится к бесконечному числу предметов (закон Архимеда относится к бесконечному числу погружений и т. п.) (Введенский, 1917, с. 107). Из этого вытекает, что общие синтетические суждения могут быть оправданы только опосредованным путем — путем умозаключений. Поэтому именно раздел об умозаключениях, а не о суждениях Введенский считает важнейшей частью логики. Здесь мы видим, что, столкнувшись с учителем-кантианцем на почве трактовки вопроса о значимости суждений в их гносеологической подоплеке, Лосский не получил поддержки в своем начинании. Получается, пресуппозиция конструктивной роли суждения в гносеологии и сводимости теории умозаключения к теории суждения сложилась у интуитивиста благодаря восприятию структуры и содержания КЧР Канта, а не пришла из вторых рук от профессора Введенского, этого «заместителя Канта в России» (словами А.А. Ермичева). Логическая интерпретация отношения общей и трансцендентальной логик может опираться на понимание связи теории суждений и умозаключений. «...Кант считает функцию вывода одних суждений из других, то есть умозаключение, разновидностью способности суждения. Во-первых, он сами умозаключения считает суждениями. Об этом свидетельствуют многочисленные высказывания из “Ложного мудрствования в четырех фигурах силлогизма”, из “Критики чистого разума” и из “Логики Йеше”. Во-вторых, Кант отводит способности суждения центральную роль в осуществлении умозаключения...» (Брюшинкин, 2006, с. 149–150).

Гносеология Лосского потребовала подобной мысли о сводимости умозаключений к суждениям, только мысль эта получила совсем уж экзотическое преломление в контексте обоснования интуитивизма. Она привела Лосского к утверждению о том, что фактически нет аналитических суждений, все суждения — синтетические. Аналитические суждения — это тавтологии, к которым не могут быть сведены даже аксиомы (тоже синтетические суждения) (Лосский, 1922а, с. 141–142). В итоге аналитические сужде-

ния не имеют ни для логики, ни для познания вообще никакого значения, поскольку «представляют собой чистейшее пустословие», а «в действительности, в живом мышлении таких суждений вовсе не бывает» (Там же, с. 144). Лосский ставит в связи с этим перед собой цель — «изгнать из гносеологии и логики окончательно всякие положительные учения об аналитических суждениях» (Там же, с. 145). Лейбнизианская подоплека философии Лосского должна была бы потребовать формы, выражающей тождественно истинные высказывания. Но Лосский решает эту проблему следующим образом. Подлинный мыслительный акт имеет форму суждения. Всякое суждение — синтетическое, основывающееся на всеобщности закона достаточного основания (для Лосского этот закон — главенствующий). Поэтому «мышление не бывает ошибочным, то есть заблуждения возникают постольку, поскольку мы не мыслим (а производим какую-нибудь другую деятельность, принимая ее иногда за мышление)» (Лосский, 1909, с. 186). Этот вывод, однако, сам Лосский считает не новым (приводит в качестве примера концепцию Т. Липпса), хотя и не принятым повсеместно. Если есть возможность ясно различать акт суждения и его форму, то суждение можно отличить от других действий ума, которые мышлением не являются, стоит только сосредоточиться на «составе сознания» и выявить в нем суждение. «Когда я вполне поглощен восприятием объекта, напр. с интересом наблюдаю на коре березы муравьев, доящих тлей, мое я, то есть субъект, исчезает из области наблюдаемого совершенно. Однако, как только я начну наблюдать состав сознания, я тотчас найду в нем не только муравьев, но и свое я, как наблюдающее муравьев с интересом» (Лосский, 1995, с. 141). Д. В. Малеванный полагает, что в отношении к логическим началам Лосский уперся в противоречие: «Лосский сам вполне неkritично принял целое учение о том, какие формы мысли надо считать истинными, а какие нет: это учение есть, как известно, формальная логика. Вместе с тем формальная логика (как и геометрия) имеет мощный аксиоматический фундамент, который сам ниоткуда не выводится, а также не может быть проверен эмпирически, поэтому логика должна быть вовлечена в ниспровержение наряду с другими науками» (Малеванный, 1999), поскольку опирается на тавтологии, которые Лосский вознамерился изгонять из науки.

И все же, согласно Лосскому, все суждения истинны только в силу того, что они суждения и содержат объективную сторону всякой познаваемой вещи. Построением такого учения Лосский преодолевал в своем мировоззрении скептицизм Канта и делал транссубъективный мир тотально доступным познанию, но познанию четко отрефлексированному. Интуитивист стремился к обоснованию возможности «через-себя-проникновения» субъекта познания в сущность вещи, субъекта не абстрактного, а конкретного, эмпирического, личности. Тем самым оказывалась удовлетворенной свойственная душе каждого человека «фаустовская жажда бесконечной широты жизни» (Лосский, 1991, с. 17). И одна эта естественность заставляла преодолевать схематизм гносеологии Канта, как бы сама себя обосновывая самими фактами желания каждого человека «отождествиться со всем этим миром». Конечно, на этом пути потребовалось ввести мистическое понятие, которое восполняло бы пропуски в последовательном представлении познавательного процесса, давало бы гарантии в демаркации мышления от немышления и предоставляло бы способ схватывания объективной стороны предмета познания. Это понятие интуиции.

При переводе кантовских сочинений Лосский, естественно, обратил особое внимание на это значимое для себя понятие — «интуиция». Так, в предисловии переводчика к изданию работы Канта «О форме и началах мира чувственного и умопостигаемого» на русском языке он отмечает: «По поводу нашего перевода диссертации следует отметить, что понятие *Anschauung*, выраженное Кантом в диссертации словом *intuitus*, передано нами в переводе тем же словом “интуиция”, так как нам представлялось неудобным заменить этот латинский термин, употребительный также и в русском языке, каким-либо другим словом» (Кант, 1910, с. vii). Перевод КЧР Лосского был принят за основу в изданиях 1964, 1994 годов, в последнем дается примечание: «Все переводчики Канта на западноевропейские языки (не германские) — англичане, французы, итальянцы, испанцы — переводят *Anschauung* термином “интуиция” (франц., англ. — *intuition*, итал. — *intuizione*, исп. — *intuición*), полностью сохраняя тем самым содержание оригинального выражения Канта. Предлагаемый Н.О. Лосским термин “наглядное представление”, фактически как перевод слова “интуиция” явно неудачен: он не передает смысла непосредственного постижения, недискурсивности, мгновенного “узрения”, и это искажает сам замысел Канта» (Арзаканян, 1994, с. 548). Взамен предлагается термин «созерцание». Похоже, что Лосский перевел *Anschauung* неединообразно³, вероятно, полагая, что интуитивные акты могут быть различной природы и что это присутствует у Канта, например: «Именно интуиция нашего духа всегда пассивна и потому возможна лишь постольку, поскольку что-то способно действовать на наши чувства. Божественная же интуиция, обосновывающая все объекты, а не обоснованная ими, есть архетип, т. к. она независима, и потому она вполне интеллектуальна» (Кант, 1910, с. 13). Мысль о различных интуициях Лосский выразил в работе «Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция» (1938). В своем учении он обозначал словом интуиция «непосредственное видение, непосредственное созерцание предмета познающим субъектом. Все дальнейшие оттенки этого термина и особенности знания выводятся мною из указанного основного значения его. Критикуя мои взгляды, необходимо исходить из этого основного значения термина «интуиция» — непосредственное именованное в виду предмета в подлиннике, а не посредством копии, символа, конструкции и т. п.» (Лосский, 1995, с. 137). Конечно, такое понятие об интуиции отличается от кантовского, в котором ни о какой данности в подлиннике не могло идти речи. Вероятно, поэтому понятие «созерцание» кажется Лосскому не вполне подходящим для встраивания в перевод КЧР, ведь оно раскрывает смысл феномена интуиции внутри идеал-реалистического миропонимания, отличного от Кантова. Лосский особо подчеркивает мысль о том, что его учение об интуиции не стоит смешивать ни с какими другими, употребляющими это понятие (Там же). Все же в понятии интуиции может быть найдена некая подоснова, позволяющая узреть преемственность интерпретаций, представленных у Канта и Лосского. Если мы обращаем внимание на интуицию как акт, необходимый для всякой познавательной деятельности, не выходящий из строя ежечасного взаимодействия мышления с миром, не фрагментарный, а пронизывающий познание, сопричастный всякому взаимодействию субъекта с транссубъективной стороной реальности. Эта «не-

³ Между прочим, на неединообразность перевода Лосским некоторых понятий Канта указывал Шпет. См.: (Шпет, 2010b, с. 78).

заметная» необходимость интуиции отмечается, например, А. С. Катречко: «Принципиальной новизной кантовского подхода является то, что Кант рассматривает интуицию не как какую-то сверхчувственную способность типа интеллектуальной интуиции Платона, Декарта или Лейбница, а как основополагающий для других типов познания *чувственный* акт. И хотя при этом познавательный статус интуиции снижается, но ее роль в познании возрастает: она выступает не в виде какой-то мистической надстройки над человеческим разумом, а лежит в самом основании нашей познавательной деятельности, образуя ее нижний слой» (Катречко, 2008).

Итак, стремление самобытно и глубоко понять кантовские тексты было инициировано для Лосского несколькими необходимостями.

Во-первых, неизбежностью обращения к содержательным аспектам Кантовой теории познания, ценным для развития гносеологии интуитивизма и представленным в форме критического диалога с великим кёнигсбергерцем (Лосский называет этот процесс «преодолением»). О некоторых из этих идей было сказано выше.

Во-вторых, своеобразным духом преодоления патриархальности в философии (ассоциировавшейся с Кантом и Введенским) и амбициями полной оригинальности и самостоятельности. При этом Лосский не хотел быть маргиналом, своего рода методологическим анархистом в философско-университетской среде, поэтому ему было важно показать, что его концепция — вызревшая, а ее рождение — закономерный этап мирового историко-философского процесса. «Мне было бы неприятно думать, что моя теория знания есть нечто абсолютно новое, какая-то индивидуальная выдумка, не стоящая ни в какой связи с прошлым философией. Поэтому я присоединил главу, в которой рассмотрел зародыши интуитивизма в докантовской новой философии и особенно старался показать, что после Канта развитие философии необходимо вело к интуитивизму...» (Лосский, 1994, с. 133).

В-третьих, доскональное знание Канта потребовалось Лосскому для того, чтобы повысить свою виртуозность в идейном противостоянии с Введенским. Стояла тонкая задача: не умаляя заслуг учителя, преодолеть его трактовку Канта. В ряде работ Лосский указывает, что существует два типа истолкования «Критики чистого разума»: психологистически-феноменалистическое и трансцендентально-логическое. Первое толкование не избавляет гносеологию и логику Канта от психологизма, который, по мнению Лосского, им присущ. Введенский же дал именно психологистически-феноменалистическую интерпретацию «Критики чистого разума» в виде своей «Логики как части теории познания» (Лосский, 1922а, с. 221). Второй тип толкования гносеологии Канта, конечно, оказывается ближе Лосскому, однако и в этом случае требовалось коренное переосмысление Канта на пути к модели миропонимания под названием «отвлеченный идеал-реализм».

И наконец, надобность перевода КЧР ощущалась Лосским, как, впрочем, и всей просвещенной университетской публикой в силу того, что предыдущий перевод Н. М. Соколова многие не считали удовлетворительным. Этот перевод, изобиловавший ошибками, не соответствовал огромному масштабу и значимости фигуры Канта в русской культуре начала XX века, активной стадии философского диалога с немецким неокантианством, потребностям русской философии в процессе осмысления своего собственного пути и самобытности. Вот как отзывался об этой необходимости

Г. Шпет в 1904 году в связи с выходом второго издания КЧР в переводе Н.М. Соколова: «Переводы “Критики чистого разума” попадают теперь в истории философии; тем более перевод этого произведения в стране, где философская мысль сравнительно мало развита, где философская терминология еще не выработана, должен составлять эпоху в истории философии этой страны и дать ей определенную терминологию. Браться за это дело нужно с большой любовью, но еще с большим знанием. Как-нибудь такие переводы делать нельзя»; ведь здесь ответственность переводчика должна подстегиваться пониманием того, что он работает с «библией современных философов» (Шпет, 2010а, с. 63; 74). Остается сказать, что рецензия Шпета оказалась детально-разгромной, едко-ироничной, но аргументированной и основательной. Этот эпизод с переводом КЧР особенно интересен в связи с тем, что Шпет дал рецензию и на работу Лосского 1907 года. Он отмечает необходимость нового перевода. И хотя перевод Лосского все еще нельзя назвать совершенным, можно доверять строгости оценок полиглота и глубокого интеллектуала Г. Шпета, планка требований которого достаточно высока для того, чтобы «отделить зерна от плевел». И все же Шпет более терпимо относится к некоторой вольности, с какой Лосский излагает «свободно, часто упрощая и этим как бы объясняя мысль Канта» (Шпет, 2010б, с. 77), исходя из собственного понимания его философии, чем к переводу, стремящемуся к объективности, но несколько не заинтересованному в философии (таков, по мнению Шпета, подход Соколова). В отношении текста перевода, выработанного Лосским, Шпет делает замечания достаточно осторожные, говоря скорее о том, как, по его мнению, лучше было бы представить тот или иной пассаж, чем указывая на явные промахи. Поэтому он желает этому переводу распространения и выхода последующих усовершенствованных изданий. Мы-то знаем, что у перевода сложилась счастливая судьба! Зачин преодоления Канта Лосским на собственном интеллектуальном пути дал свет и ясность другим прочтениям Канта, пусть даже равнодушным к интуитивизму.

Список литературы

1. Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка. М., 2008.
2. Арзаканян Ц.Г. Примечания // Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 546–563.
3. Брюшинкин В.Н. Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. 2006. Вып. 26. С. 148–167.
4. Брюшинкин В.Н. Кант и силлогистика. Некоторые размышления по поводу «Ложного мудрствования в четырех фигурах силлогизма». // Кантовский сборник. 1986. №11. С. 30–40.
5. Введенский А.И. Логика как часть теории познания. Пг., 1917.
6. Введенский А.И. Новое и легкое доказательство философского критицизма. СПб., 1909.
7. Кант И. Критика чистого разума / пер. Н.О. Лосского. СПб., 1907.
8. Кант И. Критика чистого разума / пер. Н.О. Лосского. Пг., 1915.
9. Кант И. I. О форме и началах мира чувственного и умопостигаемого. II. Успехи метафизики // Труды Санкт-Петербургского философского общества. СПб., 1910. Вып. 6.
10. Катречко С.Л. Интуиция в составе познавательной способности // Материалы III международной научно-теоретической конференции. Владимир, 2008. С. 93–98. URL: http://transcendental.ucoz.ru/_fr/0/katr_intuit2008.html (дата обращения 19.06.2015).

11. Кондратенко К.С. Философские предпосылки идеал-реализма Н.О. Лосского : автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2011.
12. Лосский Н.О. Воспоминания: Жизнь и философский путь. СПб., 1994.
13. Лосский Н.О. Гносеологическое введение в логику // Основные вопросы гносеологии : сб. ст. Пг., 1919. С. 5–68.
14. Лосский Н.О. Логика профессора А.И. Введенского. М., 1912.
15. Лосский Н.О. Логика. Пг., 1922а. Ч. 1.
16. Лосский Н.О. Логика. Пг., 1922б. Ч. 2.
17. Лосский Н.О. Обоснование интуитивизма // Избранное. М., 1991. С. 11–334.
18. Лосский Н.О. Основательно ли «Новое и легкое доказательство философского критицизма»? // ЖМНП. 1909. №7. С. 178–193.
19. Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М., 1995.
20. Малеванный Д.В. Интуиция как внутреннее условие философского знания (Лейбниц, Кант, Лосский) // Русская и европейская философия: пути схождения и расхождения. СПб., 1999. URL: <http://anthropology.ru/ru/person/malevannyu-dv/text/intuiciya-kak-vnutrennee-uslovie-filosofskogo-znaniya-leybnic-kant-losskiy> (дата обращения: 19.06.2015).
21. Попова В.С. Сравнительный анализ интерпретации силлогистики И. Кантом и А.И. Введенским // Модели рассуждений – 3: когнитивный подход / под ред. В.Н. Брюшинкина. Калининград, 2010. С. 267–281.
22. Рецензия // Шпет Г.Г. Философская критика: отзывы, рецензии, обзоры. М., 2010.
23. Тутлис В.П. И. Кант в России // Тутлис В.П. Избранные философские труды. Бишкек, 2005. URL: <http://kant-online.ru/?p=2052> (дата обращения: 20.06.2015).
24. Шпет Г.Г. Кант И. Критика чистого разума. СПб., 1902.
25. Шпет Г.Г. Кант И. Критика чистого разума / пер. Н.О. Лосского. СПб., 1907.

Об авторе

Варвара Сергеевна **Попова** — канд. филос. наук, доц. кафедры философии Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта, varyud@mail.ru

KANT IN THE DEVELOPMENT OF N. O. LOSSKY'S PHILOSOPHICAL VIEWS: THE CASE OF A TRANSLATION

V. Popova

This article considers the development of N. O. Lossky's concept of intuitivism in the context of the translation of Kant's works and revision of Kant's epistemology. The development of Lossky as an independent philosopher required overcoming Kant's scepticism, which was not consistent with the ideal-realist's belief in the cognoscibility of transsubjective world given us in the original. The means necessary to overcome it determined the key characteristics of the new system of intuitivism, which emerged in a discussion of Kant's epistemological system. The author identifies the key themes of transcendental philosophy that drew special attention of Lossky. These include the fundamental logical issues of the essence of logical connection, the nature of judgement and inference, and that of the synthetic and analytic. The article addresses the interpretation of the concept of 'intuition' by Lossky and the influence of this interpretation on the translation of Kant's Anschauung.

The author identifies a number of reasons that inspired the intuitivist to translate the CPR. Following Kant's philosophy, Lossky had sufficient arguments in the game played in the field of his teacher and opponent, the Russian Kantian A. I. Voedensky; moreover, he proved the inconsistency

of Vvedensky's interpretation of transcendental philosophy. It is shown that the experience of translating CPR and the critical analysis of Kant's epistemology helped Lossky to overcome the complications that emerged in the history of philosophy and develop his own complete and organic worldview. Moreover, there arose an objective need for a new CPR translation, since some intellectuals were not satisfied with that made by N.M. Sokolov. The article contains excerpts from reviews of Sokolov's and Lossky's translations of CPR by G.G. Shpet.

Key words: I. Kant, N.O. Lossky, Critique of Pure Reason, translation, intuitionism, A.I. Vvedensky, intuition, logic, synthetic judgement, knowledge.

References

1. Avtonomova, N.S., 2008, *Poznanie I perevod. Opyty filosofii yazyka* [Knowledge and translation. Experiences of the philosophy of language], Moscow.
2. Arzakanjan, C.G., Primechaniya [Notes]. In: Kant, I., 1994, *Kritika chistogo razuma* [Critique of pure reason], Moscow, p. 546–563.
3. Bryushinkin, V.N., 2006, Vzaimodejstvie formalnoj i transcendentalnoj logiki [The interconnection of formal and transcendental logic], *Kantovskij sbornik* [Kant's Compendium], no. 26, p. 148–167.
4. Bryushinkin, V.N., 1986, Kant i sillogistika. Nekotorye razmyshleniya po povodu "lognogo mudrstvovaniya v chetyreh figurah syllogizma" [Kant and syllogistics. Some thoughts about "False sophistication in the four figures of syllogism"], *Kantovskij sbornik* [Kant's Compendium], no. 11, p. 30–40.
5. Vvedensky, A.I., 1917, *Logika kak chast teorii poznaniya* [Logic as a part of cognition theory], Petrograd.
6. Vvedensky, A.I., 1909, *Novoe I legkoe dokazatelstvo filosofskogo kriticizma* [New and easy proof of the philosophical criticism], SPb.
7. Kant, I., 1907, *Kritika chistogo razuma. Perevod N.O. Losskogo* [Critique of Pure Reason. Translation by N.O. Lossky], St. Petersburg.
8. Kant, I., 1915, *Kritika chistogo razuma. Perevod N.O. Losskogo* [Critique of Pure Reason. Translation by N.O. Lossky], Petrograd.
9. Kant, I., 1910, I. O forme i nachalah mira chuvstvennogo i umopostigaemogo. II. Uspehi metafiziki. [I. On the form and principles of the perceptual and intelligible world. II. The success of metaphysics], *Jurnal Ministerstva narodnogo prosvetsheniya* [Proceedings of the St. Petersburg philosophical society], issue. 6, SPb.
10. Katrechko, S.L., 2008, *Intuicija v sostave poznavatelnoj sposobnosti* [Intuition in the structure of cognitive abilities], URL: http://transcendental.ucoz.ru/_fr/0/katr_intuit2008.html (data obrascheniya: 19.06.2015).
11. Kondratenko, K.S., 2011, *Filosofskie predposylki ideal-realizma N.O. Losskogo. Avtoreferat dissertacii* [Philosophical presuppositions of the Lossky's ideal-realism. Abstract of dissertation], St. Petersburg.
12. Lossky, N.O., 1994, *Vospominaniya: Jizn' I filosofskij put'* [Memories: Life and philosophical way], St. Petersburg.
13. Lossky, N.O., 1919, Gnoseologicheskoe vvedenie v logiku [Epistemological introduction to logic]. In: Lossky, N.O., 1919, *Osnovnye voprosy gnoseologii* [The Fundamental Problems of Epistemology], Petrograd, p. 5–68.
14. Lossky, N.O., 1912, *Logika professora A.I. Vvedenskogo* [Prof. A.I. Vvedensky's Logic], Moscow.
15. Lossky, N.O., 1922, *Logika. Chast' pervaja* [Logics. Part one], Petrograd.
16. Lossky, N.O., 1922, *Logika. Chast' vtoraja* [Logics. Part two], Petrograd.
17. Lossky, N.O., 1991, Obosnovanie intuitivizma [The Intuitive Basis of Knowledge]. In: Lossky, N.O., 1991, *Izbrannoe* [Favorites], Moscow, p. 11–334.
18. Lossky, N.O., 1909, Osnovatelno li "Novoe I legkoe dokazatelstvo filosofskogo kriticizma?" [Whether the argumentation in the "New and easy proof of the philosophical criticism?"], *Jurnal Ministerstva narodnogo prosvetsheniya* [Journal of the Ministry of national education], no. 7, p. 178–193.

19. Lossky, N.O., 1995, *Чувствeнная, интеллектуальная I мистическая интуиция* [Sensuous, Intellectual and Mystical Intuition], Moscow.

20. Malevanny, D.V., 1999, *Интуиция как внутреннее условие философского знания (Лейбниц, Кант, Лосский)* [Intuition as an internal prerequisite of philosophy (Leibniz, Kant, Lossky)], URL: <http://anthropology.ru/ru/person/malevanny-dv/text/intuciya-kak-vnutrennee-uslovie-filosofskogo-znaniya-leybnic-kant-losskiy> (data obraschenija: 19.06.2015).

21. Popova, V.S., 2010, Sravnitelnyj analiz interpretacii sillogistiki I. Kantom I A.I. Vvedenskim [Comparative Analysis of interpretation of syllogistics by Immanuel Kant and Alexander Vvedensky], *Modeli rassugdenij – 3: kognitivnyj podhod* [Models of reasoning – 3: cognitive approach], Kaliningrad, p. 267–281.

22. Recenzija In: Shpet, G.G., 2010, *Filosofskaja kritika: otzvyvy, recenzii, obzory* [Philosophical critique: reviews], Moscow, p. 62–74.

23. Tutlis, V.P., 2005, *I. Kant v Rossii* [I. Kant in Russia], URL: <http://kant-online.ru/?p=2052> (data obraschenija: 20.06.2015)

24. Shpet, G.G., 2010a, Kant I. Kritika chistogo razuma. Perevod N.M. Sokolova. SPb., 1902.

25. Shpet, G.G., 2010b, Kant I. Kritika chistogo razuma. Perevod N.O. Losskogo. SPb., 1907.

About the author

Dr Varvara Popova, Associate Professor, Department of Philosophy, Institute of Humanities, I. Kant Baltic Federal University, varyud@mail.ru